

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ДИСЦИПЛИНА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

С.Ю. Просветов

История философии является важнейшей частью философского знания, без которой в современных условиях осуществление философствования невозможно. Однако ее рассмотрение в качестве отдельной дисциплины следует признать проблематичным. Сложность выделения историко-философских исследований в самостоятельную дисциплину связана как с неопределенностью их предмета и метода, так и со сложностью их отношений с теоретической философией. В качестве предмета истории философии могут выступать: историко-философский процесс, становление и развитие философских идей, формирование систем и взглядов отдельных мыслителей. В свою очередь, понимание места истории философии в структуре философского знания может варьироваться от ее рассмотрения в качестве квинтэссенции философии до включения в проблематику других философских дисциплин.

В сфере общеметодологических проблем вопрос о сущности истории философии как дисциплины принял форму спора о степени ее теоретичности. Если общая методологическая установка истории философии нацелена на описание эмпирического выражения философской мысли, то она определяется как научная дисциплина. Если же в ее задачу входит установление онтологических оснований, общих закономерностей и целей философствования в различных исторических эпохах и культурах, то она признается философской дисциплиной. Другими словами, демаркационная линия между научным и философским подходами к историко-философскому процессу пролегает в области определения его конечного смысла. Поэтому в западной, а после полемики 60—80 гг. прошлого столетия и в отечественной философии и науке [5] строго различают историографию философии и философскую историю философии. Таким образом, процесс дисциплинарного определения истории философии не имеет однозначного решения, способного стать общеобязательным для всего научно-философского сообщества.

Существование различных точек зрения на одни и те же историко-философские проблемы связано не столько с неоднозначностью предмета данной дисциплины, сколько с наличием различных форм понимания характера, целей и задач

дисциплинарного исследования. Примером такой ситуации может служить полемика вокруг статьи М.К. Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» [8. С. 75—93]. Для диалектических материалистов история философии — это дисциплина, входящая в состав марксистской научно-философской системы на основании принципа диалектического тождества теоретического и исторического, провозглашенного Г.В.Ф. Гегелем и признанного К. Марксом и Ф. Энгельсом. Согласно этому принципу, историко-философский процесс представляет собой закономерную актуализацию различных аспектов единственно верного способа мышления, выражающегося в конкретной философской системе. Поэтому в задачу истории философии входит рассмотрение систем прошлого и настоящего через призму единственно истинной системы. В противоположность своим оппонентам М.К. Петров рассматривал историю философии в качестве отдельной дисциплины, опирающейся на эмпирический, а не диалектический метод познания. Автономный же статус истории философии как дисциплины приводит к тому, что ее целью служит не доказательство истинности конкретной системы, но максимально возможное отражение реалий историко-философского процесса. Эта позиция выразилась в отрицании таких догм современной ему историко-философской науки, как всемирно-историческое понимание генезиса и развития философии, рассмотрение милетцев в качестве первых древнегреческих философов, признание систем и учений в качестве главного предмета исследования и самое важное — рассмотрение материализма и идеализма в качестве единственного основания классификации философских школ.

Признанием истории философии в качестве части конкретной системы или в качестве автономной дисциплины не ограничиваются возможные способы решения проблем границ и организации историко-философского исследования. Так, одним из способов их решения служит абсолютизация данной дисциплины, отрицающая возможность философского теоретизирования вне обращения к историко-философскому процессу. Ярче всего эта точка зрения была выражена В.С. Библером: «История философии это не просто одна из собственно философских дисциплин; это — философия по преимуществу, в чистом виде, без ее (философии) превращений, а точнее, вырождений в метафизическую систему...» [1. С. 39].

Идя вслед за Гегелем, В.С. Библер провозглашает тождество логического и исторического, но для него история — это не инобытие идеального, а единственно возможная форма его существования. «...философская логика... — пишет В.С. Библер, — полноценно и уникально работает лишь *на стыках* между различными философскими мирами и логиками... „в режиме“ истории философии...» [Там же. С. 40]. Не существует надисторического философского разума, но есть культурно-исторические типы рациональной мысли — античный, средневековый, новоевропейский и современный. В этой ситуации задача реконструкции философской логики, стоящая перед историко-философским познанием, заключается в реконструкции диалога культурно-исторических типов рациональности. Благодаря этому философская логика предстает в виде диалогичности.

Может сложиться впечатление, что диалогический метод, предложенный Библером, решает важнейшие проблемы, стоящие перед историей философии: пре-

одолевать зависимость от системного теоретизирования и обосновывает ее в качестве отдельной дисциплины. Однако при более тщательном рассмотрении данные достижения диалогического метода и абсолютистского решения дисциплинарного вопроса выглядят не столь однозначно. Так, редукция предмета философии к истории философии возлагает на последнюю решение всех задач, лежащих на других дисциплинах. В итоге диалогический метод и проводимые с его помощью исследования с необходимостью должны потерять свою историко-философскую направленность и превратиться в жесткую систему.

Тем не менее, решение проблемы дисциплинарности, предложенное Библером, обладает большой ценностью хотя бы потому, что демонстрирует изменения, происходящие с характером исследований при максимальном расширении дисциплинарного поля истории философии. В этом отношении В.С. Библер превзошел одного из своих предшественников в деле преодоления зависимости истории философии от метафизических конструктов — В. Дильтея, который, провозглашая примат исторической реальности над теоретической мыслью, не рассматривал историю философии в качестве универсальной философской дисциплины. Во многом это было связано с тем, что история философии ставилась им в прямую зависимость от истории человеческого общества. Поэтому, в отличие от Библиера, Дильтей в историко-философском процессе выделяет не культурно-исторические, а психологические типы [4. С. 80—82]. Здесь проявляется еще одно важнейшее достижение концепции Библиера — попытка создания специфической историко-философской логики, несводимой ни к трансцендентализму, ни к психологизму и обосновывающей право данной дисциплины на исключительную роль в философском познании.

С идеей абсолютизации истории философии связан, хотя и негативным образом, еще один способ решения проблемы дисциплинарности. По сути, он представляет собой зеркальное отражение концепции Библиера. Если, согласно отечественному мыслителю, философствование вне истории философии является для современного мышления вещью практически невозможной, то, по мнению представителей постмодернизма и аналитической философии, в нынешних условиях рождение новой мысли возможно только после преодоления диктата истории философии. Ярче всего это требование выразил Ж. Делёз (1): «История философии всегда была агентом власти в философии, а также в мышлении. Она играет репрессивную роль... Образ мышления, называемый философией, сформировался исторически, и он эффективно отвращает людей от мышления» [цит. по: 9. С. 450]. Сходную позицию занимает представитель аналитической традиции Чарльз Тейлор, который в своей статье «Философия и ее история» отмечает, что возникновение подлинно нового в философской мысли возможно только путем отказа от теоретического наследия прошлого и обнаружения оригинальных способов познания [10. С. 78—96].

Несмотря на свою критическую позицию по вопросу о полезности знания историко-философской традиции для успешного осуществления философствования представители постмодернизма и аналитической философии предлагают особый способ решения проблемы дисциплинарности. Он заключается в преодо-

лении замкнутости истории философии в особую область познания, обладающую собственным предметом и методом познания. Однако ни постмодернизм, ни аналитическая традиция не отрицают возможности проведения историко-философских исследований. Характер этих исследований можно определить как экспериментальный.

Так, в аналитической традиции принято проецировать проблемы современной философии на историко-философский материал. Согласно данному методу, историк философии, а вслед за ним и читатель, должен представить, каким образом решил бы проблему языка или проблему коммуникации Платон, Фома Аквинский или Гегель. Тем самым, перед историко-философским исследованием ставится цель не отразить точку зрения и проблематику мыслителей прошлого, но путем мыслительного эксперимента сопоставить современное решение той или иной актуальной проблемы с реальным или предполагаемым ее решением в прошлом.

Другая версия историко-философского эксперимента была предложена философами-постмодернистами. В отличие от аналитической философии, выступающей лишь за прагматизацию историко-философского материала, постмодернизм стремится к обоснованию принципиально творческого отношения к нему. Поэтому первым шагом на пути создания теории историко-философского эксперимента является решение проблемы дисциплинарности, которая формулируется как вопрос о соотношении истории философии и философствования. Решая его, Ж. Делёз занимает радикальную, нигилистическую позицию по отношению к истории философии как отдельной дисциплине, в частности, он отмечает: «История философии — это воспроизведение самой философии. Изложение истории философии должно стать подлинным двойником [философии] и заключать в себе то максимальное изменение, которое присуще этому двойнику» [цит. по: 9. С. 449—450]. Из сказанного можно сделать вывод, что история философии не представляет собой самостоятельного предмета познания, имеющего принудительную силу по отношению к исследователю. Напротив, она есть лишь материал, форма которому придается самим философствующим субъектом (индивидом).

Теоретической базой историко-философского нигилизма Ж. Делёза служит так называемый трансцендентальный эмпиризм, исходящий из приоритета единичного над абстрактным как в мире вещей, так и в мире идеальных конструкций. В области историко-философского познания трансцендентальный эмпиризм провозглашает иллюзорность таких целостностей, как историко-философский процесс, субъект историко-философского процесса, философские направления, школы и т.д. Вместо иерархии указанных и подобных им универсалий история философии представляет собой совокупность единичных концепций, которые, в свою очередь, также представляют собой не целостности, а соединенные по определенным правилам множества.

Нигилистический способ решения дисциплинарного вопроса и связанный с ним метод историко-философского экспериментирования имеют много общего с доминантным пониманием места истории философии в философской системе.

Для обоих подходов характерно признание зависимости истории философии от определенного способа философствования, в обоих осуществляется творческое переосмысление философского наследия. Но если в первом подходе такое экспериментирование над историко-философским процессом признается нормальным, то во втором оно фактически применяется, и его результаты выдаются за объективное отражение прошлого и настоящего. Кроме того, данные варианты решения проблем дисциплинарности и характера историко-философского исследования служат для доказательства истинности определенной системы в доминантном подходе, тогда как при осуществлении нигилистического решения основной целью является генерация новой мысли. Вместе с тем провозглашаемая постмодернизмом и аналитической философией «новая мысль» во многом конституируется разработанной в данных направлениях методологией, и потому она не может быть подлинно оригинальной. Но по сравнению со схематизмом и догматизмом методологических установок таких философских школ, как гегельянство, марксизм или неотомизм, исследовательская программа, предлагаемая постмодернизмом и аналитической философией, выглядит более плодотворной.

Еще одним вариантом решения проблемы дисциплинарности следует признать включение историко-философской проблематики в сферу близкой ей по характеру рассматриваемых вопросов философской или научной дисциплины. Чаще всего поглощение проблем историко-философского познания осуществляется такими дисциплинами, как метафилософия, история науки, философия науки, философия истории, философия культуры. Основанием для отказа от рассмотрения историко-философского процесса в качестве самостоятельного предмета служит то обстоятельство, что в конечном итоге он представляет собой часть какого-либо более общего процесса.

Можно найти немало примеров в научной и учебной литературе, когда история философии рассматривается в рамках особой дисциплины, за которой в последнее время закрепилось наименование метафилософии. В ее задачу входит осмысление специфики философского знания силами самого философского знания. Такое осмысление, как правило, осуществляется конкретной философской системой после решения ею онтологических, гносеологических, антропологических, социально-философских и иных задач. Поэтому метафилософия является одновременно завершением и введением в конкретное философское учение. История философии также может рассматриваться либо как необходимая подготовка для начала самостоятельного философствования, либо в качестве взгляда сформировавшейся системы на собственную и противоположные философские традиции. Таким образом, метафилософия и история философии имеют одни и те же функции и потому могут замещать друг друга.

Одним из примеров включения предмета истории философии в предмет метафилософии может служить работа Т.И. Ойзермана «Проблемы историко-философской науки» [7], в которой с помощью богатого эмпирического материала раскрывается диалектико-материалистическая модель философии. Вопросы, сформулированные в качестве основных проблем историко-философского исследования, связаны с самосознанием философии, а не с познанием ее прошлого, то есть

являются, по сути, метафилософскими. Вместе с тем их раскрытие осуществляется с помощью освещения историко-философского процесса. Благодаря этому история философии предстает не только в виде «самосознания эпохи», но и в виде попыток разрешения так называемых «вечных вопросов», представляющих собой сущность философского знания.

Помимо метафилософии, истории философии приходится проводить демаркационную линию и с другими дисциплинами, в частности, с философией науки и философией культуры. Примером включения историко-философской проблематики в сферу философии науки может служить концепция А. Койре, в которой философия, наука и теология рассматриваются в качестве имеющих «законный интерес к вопросам, затрагивающим природу пространства, материи, структуру действия, роль причинности» [6. С. X—XI]. Признание наличия познавательной способности у философии и теологии не означает их равноценности научному познанию.

По мысли А. Койре, философия и теология оказали существенное влияние на развитие науки, но при этом познание мира не является их главной задачей. Отсюда следует вывод, что хотя в различные исторические эпохи теология и философия по своему социокультурному статусу и детальности разработки понятийного аппарата могли превосходить науку, но это не отменяло превосходство предмета науки над их предметами. В итоге философия, так же как и теология, не имели самоценности, но рассматривались преимущественно в качестве стимулов научного познания, что делает выделение истории философии в отдельную дисциплину необязательным.

Примером включения историко-философского исследования в предмет философии культуры могут служить работы одного из ведущих представителей баденской школы неокантианства В. Виндельбанда. В них историко-философский процесс рассматривается как одно из проявлений формирования нормативного сознания [3. С. 51—54]. В отличие от позитивистской традиции, в которой философия определяется как наука, у Виндельбанда она признается в качестве вечной спутницы науки, раскрывающей ценностный аспект реализации идеи рациональности в культуре. Тем самым историко-философский процесс хотя и выделяется немецким мыслителем в качестве отдельного предмета познания, всегда рассматривается в контексте различных исторических изменений: политических, социально-экономических, религиозных, социокультурных, правовых и т.д. [2. С. 14—15]. Реконструкция же духовной картины эпохи в целом входит в задачу философии культуры.

Итак, вместо общеобязательного понятия историко-философской дисциплины была сформулирована проблема дисциплинарности историко-философского познания и предложены основные способы ее решения. Благодаря этому стало возможным выявить основные аспекты использования термина «дисциплина» в работах, посвященных анализу философского наследия.

Во-первых, под дисциплиной не следует понимать простое выделение тех или иных исследований на основании схожести их предметов. Другими словами, история философии как дисциплина имеет не столько предметную, сколько функциональную природу.

Во-вторых, специфика понятийного и методологического аппарата историко-философской дисциплины носит нормативно-ценностный характер. Целью создания такого аппарата служит установление требований, предъявляемых как к собственному, так и к любому другому историко-философскому исследованию.

В-третьих, собственно дисциплинарный аппарат понятий часто либо не выделяется, либо выделяется не в полном объеме. Он, как правило, находится в тесной взаимосвязи с проводимым исследованием и налагает определенный отпечаток на его результаты. Поэтому весьма типичной является ситуация, когда понимание тем или иным автором истории философии как дисциплины приходится вычленивать из проведенного им исследования.

Существование истории философии как дисциплины обычно связывают с наличием особого рода предметов — в письменном виде выраженных философских идей, которые в силу своей доступности чувствам и рассудку могут быть исследованы опытным путем. На этом основании делается вывод о существовании единой дисциплины, обладающей эмпирическим предметом и методом. Однако на поверку чувственно наглядная сторона философского наследия выступает лишь в качестве объекта исследования, из которого с помощью дисциплинарных моделей конструируются особые теоретические предметы. Так, между совокупностью философских текстов и понятием «историко-философский процесс» существует огромная разница, и говорить об их соответствии можно только с большой степенью условности.

Сказанное относительно предмета историко-философского познания еще в большей степени справедливо по отношению к его методу. И действительно, ни одно историко-философское исследование не может быть осуществлено без помощи умозрительных допущений и использования таких теоретических конструкций, как нормы, ценности, категории познания (субъект, объект, метод, структура и т.д.). Поэтому историко-философская наука может существовать только во взаимодействии эмпирической и теоретической методологии, доминирующей из которых должна быть признана теоретическая.

Однако главным аргументом в пользу теоретического характера истории философии следует признать то обстоятельство, что она имеет дело с результатами осознанной мыслительной деятельности людей и потому их изучение требует соответствующего их природе познавательного аппарата. Без попытки проникновения в логику философов прошлого подлинная историко-философская наука невозможна, но решение этой задачи чисто описательными средствами следует признать неудовлетворительным.

Из сказанного можно сделать вывод, что ни один из указанных типов теорий не дает удовлетворительного решения проблемы. Однако это не означает, что следует стремиться к созданию теории, абсолютно адекватной исследуемой реальности. Достижение такой цели можно заранее признать иллюзорным. Более правильным представляется поиск комбинации способа решения проблемы дисциплинарности с реализацией идеи историко-философского эксперимента в рамках автономного решения проблемы дисциплинарности.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Все цитаты из Ж. Делёза приводятся в данной статье по работе Я.И. Свирского «Послесловие. Философствовать посреди... Приглашение к диалогу». — М.: ПЕР СЭ, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Библер В.С.* История философии как философия (к началам логики культуры) // Историко-философский ежегодник ' 89. — М.: Наука, 1989.
- [2] *Виндельбанд В.* История философии. — Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997.
- [3] *Виндельбанд В.* Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. — М.: Юрист, 1995.
- [4] *Дильтей В.* Сущность философии (Б. В. Понятие сущности философии. Перспективы истории и систематики философии) // Философия в систематическом изложении В. Дильтея, А. Рила, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- [5] *Каменский З.А.* История философии как наука в России XIX—XX вв. (Ч. III: 60—80-е годы XX в.). — М.: Эслан, 2001.
- [6] *Койре А.* От замкнутого мира к бесконечной вселенной. — М.: Логос, 2001.
- [7] *Ойзерман Т.И.* Проблемы историко-философской науки. — М.: Мысль, 1982.
- [8] *Петров М.К.* Предмет и цели изучения истории философии // Петров М.К. Историко-философские исследования. — М.: РОССПЭН, 1996.
- [9] *Свирский Я.И.* Послесловие. Философствовать посреди... Приглашение к диалогу // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. — М.: ПЕР СЭ, 2001.
- [10] *Тейлор Ч.* Философия и ее история // История философии. — Вып. 8. — М.: ИФ РАН, 2001.

**HISTORY OF PHILOSOPHY AS A DISCIPLINE
OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE**

S.Y. Prosvetov